

БИТВА ЗА РИМЛЕНД

РЕСУРС СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГЕОСТРАТЕГИИ США В ЕВРАЗИИ

После последнего этапа расширения Евросоюза и НАТО на восток и кавказского вооруженного конфликта в августе 2008 года США усилили внимание к ситуации в регионе. Их волнует, во-первых, проблема незавершенности процесса расширения Северо-Атлантического союза, а во-вторых – вопрос более эффективного использования геополитического ресурса стран Восточной Европы в реализации своей геостратегии в Евразии.

КТО КОНТРОЛИРУЕТ ХАРТЛЕНД?

В основе современной геостратегии США в Евразии остается известная геополитическая концепция Х. Маккиндера – Н. Спайкмена, разработанная этими учеными под новую роль США после Второй мировой войны, когда Штаты окончательно стали лидерами западного мира и одним из центров в двухполюсном мироустройстве. Эту концепцию с поразительным упорством и целеустремленностью Вашингтон реализует в своих внешнеполитических доктринах и стратегиях и поныне.

Первый этап американской геостратегии в Евразии длился с 1946 по 1991 год и завершился, как известно, геополитическим отбрасыванием СССР, овладением «балтийско-черноморским перешейком» (по Ф. Броделю) и выходом новой объединенной Европы на фронтальное соприкосновение с Россией. Таким образом, было реализовано известное положение Х. Маккиндера для европоцентристского мира: «Кто владеет Восточной Европой, тот контролирует Хартленд».

Напомним в этой связи, что термином «Хартленд» (от англ. Heartland – «срединная земля», «сердцевинная земля») Хэлфорд Маккиндер обозначил массивную северовосточную часть Евразии общей площадью более 50 млн. кв. км, почти совпадающую с территорией Российской империи и Советского Союза. Хартленд не имеет удобных выходов в Мировой океан, за исключением покрытого льдом Северного Ледовитого океана. А Римлендом (от англ. Rimland – «дуговая земля») Николас Спайкмен назвал полосу, окружающую Хартленд с запада, юга и

юго-востока. В англосаксонской концепции геополитики это пограничная зона между морскими и континентальными державами, гигантская геополитическая дуга, которая простирается вдоль границ Хартленда и включает в себя Европу, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Ирак, Пакистан, Индию, страны Дальнего Востока и Китай.

В отличие от Маккиндера, Спайкмен полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией: «Кто владеет Римлендом, тот контролирует Хартленд». В соответствии с этой концепцией такая задача стала доминантой внешнеполитической стратегии США в период «холодной войны» и находит воплощение в современной геостратегии и политике страны в начале XXI века. Второй этап реализации этой стратегии разворачивается на наших глазах – мы являемся свидетелями экономической битвы за Римленд, который в глобализирующемся мире обрел значение, подобное «балтийско-черноморскому перешейку» для европоцентристского мира.

Суть этой битвы составляет геоэкономическое освоение Римленда методом высоких технологий, передела этого пространства и формирования в его пределах единой подконтрольной структурированной «дуги» в качестве пресловутого «санитарного кордона» России. Освоив за 45 лет западный сектор Римленда (то есть страны Западной, Центральной и Восточной Европы) на глубину «балтийско-черноморского перешейка», в том числе с помощью «плана Маршалла», США с середины 90-х годов направили основные усилия на освоение юго-восточного сектора Римленда, расширив масштабы

Владимир КОНОБЕЕВ,
кандидат
исторических наук,
профессор

деятельности НАТО и добавив «энергетическую» функцию.

Зоной особого внимания геостратегии США в пределах Римленда стали «глобальные Балканы», в пределах которых расположен так называемый «энергетический эллипс», включающий страны Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии с Каспийским бассейном. В связи с этим резко возросло стратегическое значение Кавказского перешейка как связующего звена для формирования в пределах Римленда «балто-черноморско-каспийской» дуги геоэкономического блокирования России [1, с. 194].

О каспийской составляющей этой дуги недвусмысленно было сказано на ежегодных сенатских слушаниях 2008 года в докладе директора Национальной разведки США М. Макконелла: «Агрессивные усилия России по контролю, запрету или блокированию транзита углеводородного топлива из Каспийского региона на Запад, желание поставить энергетический коридор Восток – Запад под свой контроль подчеркивают потенциальную силу российской энергетической политики» [2, с. 180], то есть эта политика была расценена в качестве угрозы как национальной безопасности США, так и европейской безопасности.

ИДЕОЛОГИЯ НОВОГО АТЛАНТИЗМА

Такой разворот и масштабы усилий в геостратегии США в юго-восточном направлении Римленда стали возможны благодаря успеху ее реализации на первом этапе, в результате которого США удалось противопоставить России ресурс новой объединенной Европы в формате Евросоюза как самодостаточного центра силы в Евразии. В рамках Евросоюза Вашингтон особое внимание уделяет вопросу управления геополитическим ресурсом стран Восточной Европы, в отношении которых американцам удалось за последние 17 лет осуществить новую версию «плана Маршалла». Сегодня можно констатировать, что десять бывших соцстран успешно функционируют в рыночной экономике, а также, что успех этот основан на известной экономической помощи в рамках новой версии «плана Маршалла» для стран

Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в основе которого, в частности, лежит западная стратегия глобального аутсорсинга. Из общей суммы этой помощи 25 % направлено Польше, что подтверждает ее исключительную роль в планах США [3, с. 74].

Геополитический ресурс стран ЦВЕ следует рассматривать в контексте и рамках разрабатываемой сейчас идеологии нового атлантического партнерства в XXI веке с учетом новых геополитических реалий в Евразии. Обновление содержания партнерства евроатлантического сообщества происходит при сохранении прежних геополитических целей обеспечения контроля над Хартлендом-Россией. В этом контексте в новых реалиях глобализации и мирового лидерства США в реализации этих целей возрастает роль и значение Римленда – в частности как транспортно-энергетического коридора Восток – Запад.

США убеждают ЕС в том, что совместное геоэкономическое освоение Римленда отвечает интересам новой Европы, аргументируя это успехом евроатлантической солидарности в XX веке. Более того, ссылаясь на этот положительный исторический опыт, Вашингтон намекает, что ЕС сможет закрепить достигнутый успех и, более того, развить его в новых исторических условиях (имея в виду незавершенность геоэкономической экспансии в сторону Украины и Беларуси) только совместно с США в целях геополитического сдерживания новой России.

Настоящий интерес ЕС, по мнению Штатов, заключается в поддержании американского присутствия на внешних границах новой Европы (то есть в восточноевропейских странах). В этом один из смыслов нового военно-политического взаимодействия США и ЕС. Поэтому даже проект автономной, более самостоятельной оборонной политики Евросоюза ставит перед НАТО лишь практические, а не принципиальные проблемы [4, с. 129].

Втягивая Евросоюз в совместное геоэкономическое освоение Римленда, США делают акцент на следующем:

- на безусловности принятия американского проекта новой европейской безопасности, тесно увязанной с национальной безопасностью США;

...В рамках Евросоюза Вашингтон особое внимание уделяет вопросу управления геополитическим ресурсом стран Восточной Европы, в отношении которых американцам удалось за последние 17 лет осуществить новую версию «плана Маршалла».

- на фактическом разделении труда по умолчанию в деле совместного освоения Римленда (пример – приоритет ЕС в реализации проекта Евро-Средиземноморского партнерства);
- на перспективу прямого сотрудничества ЕС с Китаем в рамках нового «шелкового пути», проложенного в пределах Римленда, с созданием новой транспортно-энергетической инфраструктуры в обход России;
- на перспективу геоэкономического блокирования и изоляции России, минимизацию ее конкурентных преимуществ в глобализирующемся мире и навязывание ей проекта глобальной энергетической безопасности.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ США В ЕВРОПЕ

В этом контексте Штаты умело используют и геополитический ресурс стран Восточной Европы. Содержанием нынешнего этапа геостратегии США в отношении этого региона является институциональное и инфраструктурное закрепление США и НАТО на восточных рубежах Евросоюза, на пространстве стран ЦВЕ, являющемся передним краем национальной безопасности США в Европе. Инфраструктурное закрепление восточных рубежей Евросоюза идет, в частности, в русле формирования субрегионального интеграционного экономического объединения в формате исторических границ бывшей Речи Посполитой. Эту тенденцию отмечают многие исследователи стран ЦВЕ, в частности Словакии и Венгрии [3, с. 79].

Одно из главных предназначений геополитического ресурса стран Восточной Европы – поддержание антироссийского потенциала в пределах пространства «балтийско-черноморского перешейка».

Ради этого США умело поддерживают протестные и реваншистские настроения современной политической элиты Польши, националистические настроения и исторические обиды политических элит стран Балтии и Украины, а также геополитический проект США и Польши по созданию субрегионального экономического объединения в рамках исторических границ Речи Посполитой.

Именно в этом ключе следует рассматривать весьма символическую фразу экс-президента США Дж. Буша, произнесенную им на саммите НАТО в Риге в 2003 году, что отныне в Европе не будет ни Мюнхена, ни Ялты. Подспудно за этой метафорой стоит историческая тень Рижского договора 1921 года, закрепившего известную «линию Керзона» в Восточной Европе. Именно в этой линии заинтересованы США в сегодняшней Восточной Европе как переднем крае своей национальной безопасности. Такой подход только подстегивает реваншистские настроения политической элиты Польши, готовой оказывать всяческую помощь Штатам в реализации их геостратегии в Восточной Европе, в частности – в вопросе завершения геополитической экспансии Запада на восток и расширения НАТО до пресловутой «линии Керзона». Все это укладывается в рамки возрождения геополитической доктрины Польши «от моря до моря» и в планы США по обеспечению контроля над Восточной Европой с включением в нее Беларуси и Украины. Именно поэтому Польше поручено быть главным плацдармом для «распространения демократии» до «линии Керзона». Для стимулирования этой роли не исключено, что именно представителю Польши будет предоставлена должность генерального секретаря НАТО на предстоящий период.

В целом использование американцами геополитического ресурса стран ЦВЕ выражается в следующем:

1. Этот ресурс позволил США осуществить стратегический маневр для сосредоточения усилий в юго-восточном направлении Римленда и заняться более плотно Украиной и Грузией, а также Ираном, Ираком, Афганистаном и другими странами региона «глобальных Балкан».

2. Высокие технологии освоения американцами стран ЦВЕ нашли выражение в том, что вместо советских танков и ракет «младоевропейцам» сначала был предложен аутсорсинг для производства бытовой продукции, а затем ракеты и РЛС американской национальной системы ПРО. Выдвижение третьего позиционного района американской ПРО в страны ЦВЕ – Польшу и Чехию – лишь первый этап. На очереди – страны Балтии и

КОНОБЕЕВ

Владимир Николаевич. Родился в 1946 году в г. Выборге Ленинградской области. Окончил Военный институт иностранных языков (Москва) и аспирантуру Военно-политической академии.

Служил кадровым офицером в ВС СССР и Республики Беларусь. Работал заведующим кафедрой иностранных языков в вузах Беларуси, заведующим кафедрой политологии и социологии РИВШ.

С 1998 года – на госслужбе в Госсекретариате Совета Безопасности Республики Беларусь, затем – начальник управления внешней политики Администрации Президента Республики Беларусь. С 1998 по 2001 год – на дипломатической работе. С 2006 года – профессор кафедры Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Кандидат исторических наук. Автор 15 научных публикаций, 3 учебных пособий.

Сфера научных интересов: геополитика и международная безопасность.

если не запад Украины, то Болгария или Македония.

3. Стратегическая задача США – расширить свой передовой плацдарм в ЦВЕ на базе Польши до масштаба «балто-польско-украинского» плацдарма и переднего края национальной безопасности США в Европе. Эта цель эксплуатирует геополитический интерес и национальную мечту современной польской элиты о возрождении в современных условиях исторической Речи Посполитой «от моря до моря» в форме субрегионального экономического объединения или «балто-черноморской» конфедерации.

4. Эксплуатация геополитической роли «страховочного пояса» стран ЦВЕ для двух центров силы – ЕС и России – и поддержание на этой основе страха возрождения сильной России и «российской угрозы». США умело эксплуатируют геополитический удел стран Восточной Европы служить попеременно «поясом безопасности» для двух центров силы в зависимости от того, кто из них доминирует в тот или иной период.

ЛИНИИ РАЗДЕЛА

Реализация стратегии США в Евразии по геоэкономическому освоению Римленда при подыгрывании этой стратегии странами ЦВЕ повлечет за собой оформление новых и европейской, и евразийской разделительных линий. В интересах США для сдерживания России в европейской части Римленда – создание новой разделительной линии на днепровско-неманском рубеже в режиме новой «берлинской стены».

Особое значение придается вопросу управления внешними восточными границами ЕС и НАТО в Восточной Европе (являющимися внешними границами национальной безопасности США), поскольку еще не исчерпан потенциал расширения и ЕС, и НАТО. С исчезновением потсдамско-ялтинской системы европейского порядка вопрос о восточных границах Польши вновь становится открытым для манипуляций и провокаций в рамках дальнейшего расшире-

ния НАТО на восток. Этому способствует и известная резолюция ПАСЕ 2006 года № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов».

Подтверждение этому – неоднократные обвинения на официальном уровне со стороны Польши в адрес России, в которых в политических целях используются исторические обиды. Одно из последних – сделанное в ноябре 2008 года заявление министра иностранных дел Польши Р. Сикорского об оккупации Советским Союзом восточной части Польши 17 сентября 1939 года (якобы под видом защиты некоренного населения в восточных польских районах, то есть в Западной Беларуси и Западной Украине) [5, с. 2]. В этом контексте США достаточно спровоцировать Польшу на пересмотр советско-польского пограничного договора 1945 года как несправедливого и навязанного преступным тоталитарным режимом СССР и пойти в этих целях на применение высоких технологий геополитического сепаратизма.

Геополитический ресурс стран ЦВЕ Штаты используют как для управления интеграционными процессами Евросоюза «вширь» и «вглубь» (играя на противоречиях разноскоростной интеграции), так и для управления отношениями взаимодействия ЕС и России (удерживая их от углубления и взаимовыгодности).

Исторический опыт присутствия США в Евразии с 1918 года свидетельствует о том, что они умело управляют общеевропейскими интересами и общеевропейской безопасностью.

Как известно, столкновения двух континентальных геополитических сил Евразии в первой половине XX века (России/СССР и Германии) дважды (в 1914 и 1941 годах) состоялись в русле реализации англо-американских геополитических концепций. И оба раза, что тоже общеизвестно, главный финансово-политический приз доставался Вашингтону. В третий раз этот приз США получили в 1991 году, по окончании «холодной войны», которую они вели совместно с Западной Европой, включив в ее состав обезвреженную как центр силы Германию. Известный российский ученый

Н.Я. Данилевский был в свое время в определенной степени прав, говоря о несовместимости Европы и России. Но в XXI веке любой неопанславизм или неопангерманизм только на руку США в их геостратегии глобального контроля над Евразией. Манипулируя балансом новых евразийских центров силы (ЕС, Россия, Китай, Индия), Штаты стремятся противопоставить и по возможности столкнуть новую объединенную Европу с Россией, для которой итоги «холодной войны» стали своеобразным Версалем. Поэтому в нынешнем веке сверхзадачей геостратегии США в Евразии является управление в своих глобальных интересах этими четырьмя континентальными центрами силы с помощью геоэкономического освоения Римленда, в пределах которого находятся три из них. При этом – не допустив там появления новых независимых игроков в лице Ирана либо региональной интеграционной экономической группировки арабских стран [6, с. 324].

СМЫСЛ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Перед лицом настоящих цивилизационных вызовов XXI века «старые» европейцы, в отличие от «младоевропейцев», обольщенных особыми партнерскими отношениями с мировым лидером, не спешат втягиваться в затяжные конфликты с новой возрождающейся демократической Россией. Они не хотят, чтобы новый век для новой Европы снова стал американским.

Сегодня важно понять истинный смысл столь серьезной инициативы Евросоюза, какой представляется «Восточное партнерство», и оценить ее возможные последствия в контексте предлагаемой Россией новой системы европейской безопасности. С одной стороны, это попытка Евросоюза перехватить инициативу у США в борьбе за восточноевропейский геополитический ресурс, важнейшим компонентом которого являются Украина и Беларусь. С другой – это попытка увести нынешних и потенциальных восточноевропейских членов Евросоюза из-под особой опеки США и от их стремления противопоставить ресурс «младоевропей-

цев» старым членам ЕС. В этой инициативе просматривается осознание Евросоюзом опасности ухода стран Восточной Европы под особый контроль США и обострение борьбы между Штатами и ЕС за влияние на «младоевропейцев».

Вместе с тем данная инициатива – обычное разделение труда в общей задаче евроатлантического сообщества, которая заключается в инфраструктурном и институциональном укреплении важнейшего региона Европы – «балтийско-черноморского перешейка», имеющего огромное геостратегическое значение в сдерживании новой России.

В любом случае, с точки зрения интересов Евросоюза, данная инициатива – довольно удачный ход, попытка «мягкого», высокотехнологичного распространения стандартов ЕС в ходе экономической экспансии. Это попытка вовлечения восточноевропейских стран в систему Евросоюза через использование притягательной силы более высоких стандартов социально-экономического развития. Набор мер для приобщения к европейским ценностям вполне привлекателен: упрощение визового режима (а в долгосрочной перспективе – и его отмена), присоединение к Договору об энергетическом сотрудничестве, создание зон свободной торговли с Евросоюзом. Реализация данной инициативы нацелена на уменьшение влияния России на бывшие советские республики, в том числе Украину и Беларусь, с последующим созданием нового экономического интеграционного объединения на постсоветском пространстве.

Сегодняшней реалией является нахождение стран ЦВЕ в системе евроатлантической безопасности, которая, в свою очередь, является производной от национальной безопасности США. Кроме того, новая Европа в лице Евросоюза еще не готова без США выстраивать собственную систему безопасности. Из понимания этой данности должна исходить Россия, предлагая создание на континенте нового порядка взаимоотношений.

В общем, в деле выстраивания подлинно взаимовыгодной системы общеевропейского сотрудничества всем участникам процесса предстоит еще длительная и упорная борьба. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008.
2. Россия в глобальной политике. – Т. 6. – 2008. – № 5.
3. Шишелина, Л.Н. Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем / Л.Н. Шишелина // Современная Европа. М.: Институт Европы РАН. – 2008. – № 4 (36).
4. Бордачев, Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки» / Т. Бордачев. – М.: Европа, 2009.
5. Известия. – 2008. – 17 ноября.
6. Тренин, Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Д. Тренин; Моск. Центр Карнеги. – М.: Европа, 2006.